

История

К 100-летию «Движения 4 мая» 1919 г.

© 2019

Н.Л. Мамаева

В статье дается авторский взгляд на важнейшее событие в истории Китая первой половины XX в. — «Движение 4 мая» 1919 г. И причины, и последствия этого движения представлены на фоне «Движения за новую культуру (1915–1925)» и с учетом влияния на Китай идей вестернизации, а также опыта Октябрьской революции 1917 г. в России. Показана взаимосвязь внутренних событий и внешних влияний на Китай. Как показала история, оно стало поворотным событием в общественной жизни Китая и поставило вопрос о дальнейшем пути развития страны. Современные оценки «Движения за новую культуру» и «Движения 4 мая» 1919 г. обновляют и дополняют существовавшие представления о причинах и содержании «Движения 4 мая» 1919 г.

Ключевые слова: «Движение 4 мая» 1919 г., «Движение за новую культуру», «раскрепощение личности», Советская Россия, вестернизация, влияние идей Октябрьской революции на Китай.

DOI: 10.31857/S013128120007996-6

«Движение 4 мая» 1919 г. считается одним из выдающихся событий в Китае в XX веке. В 2019 г. ему исполнилось 100 лет. И причины, и последствия «Движения» охватывали широкий круг проблем, стоявших перед Китаем. «Движение» всегда вызывало интерес китайских руководителей страны, а также историков, пользовалось большим вниманием в мировой историографии, особенно китайской и советской/российской. Генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин, выступая в преддверии 100-летия «Движения 4 мая» 1919 г. на 14-й коллективной учебе с участием членов Политбюро ЦК КПК, призвал к новым усилиям по изучению «Движения 4 мая». Характеризуя «Движение» с позиции его значения для возрождения нации, он подчеркнул необходимость поощрять молодежь вносить неустанный вклад в изучение наследия «Движения 4 мая», в сохранение духа обновления и сохранения китайской нации.

Изучение «Движения 4 мая» в России имеет длительную историю. Эта тема получила отражение в работах многих исследователей Китая: Ю.М. Гарушянца, В.И. Глунина, К.В. Кукушкина, К.В. Шевелева, А.И. Картуновой, М.Ф. Юрьева, А.В. Меликсетова, Н.Л. Мамаевой, И.Н. Сотниковой и др. Изучение «Движения» осуществлялось по двум основным направлениям. Первое направление включает характеристику внутренних событий в Китае, связанных с «Движением за новую культуру» (1915–1925 гг.). Другое направление акцентируется на исследовании идейно-культурного и политического влияния Октябрьской революции на общественную жизнь Китайской Республики (КР). Взаимосвязь

внутренних событий и внешних влияний на Китай наиболее четко и всесторонне проявила себя в «Движении 4 мая» 1919 г., развивавшегося на базе «Движения за новую культуру»¹. Возникновение мощного идейного начала, направленного против старой культуры, против деспотизма во многих его проявлениях, «раскрепощение сознания» и бурное развитие интеллектуальной сферы, всей духовной и политической жизни вызвали небывалый рост самосознания населения. Благодаря феноменальному значению в идейной, культурной и общественной жизни страны «Движения за новую культуру» «Движение 4 мая» развивалось на фоне интеллектуального подъема по широчайшему спектру, включавшему различные области демократии и науки, дипломатии, просвещения, литературы, культуры. Интеллектуальный подъем, идеи освобождения и раскрепощения личности, революции в литературе и языкознании, реформа системы народного просвещения как результаты «Движения за новую культуру» отражали в целом стремление к обновлению, к разрыву со старой феодальной культурой, тесно связанной с догматами конфуцианства, одновременно — стремление интеллектуальных слоев населения к утверждению и укреплению буржуазно-демократических ценностей, характерных для западных стран. Таким образом, «Движение 4 мая» 1919 г., с одной стороны, развивалось под влиянием духа и идей «Движения за новую культуру», с другой — восприняло опыт революционного движения в Советской России: массовость, антиимпериалистические, прежде всего, антияпонские лозунги, а также социальные аспекты. Как показала дальнейшая историческая практика, оно стало поворотным событием в общественной жизни Китая и поставило вопрос о дальнейшем пути развития страны. В клубке разнородных идей и духовных ценностей определенное место занимали идеи вестернизации, имевшие свою историю и ориентированные на буржуазно-демократическое развитие страны. На построение капиталистического общества была направлена Синьхайская революция (1911 г.). С этой целью предпринимались попытки формирования политической системы парламентской республики. Среди настроенных на копирование западных принципов общественного устройства групп населения идеи западного образа жизни продолжали сохранять свои позиции. Миссионерская деятельность западных стран, в том числе продолжение гуманитарной поддержки населения со стороны великих держав — строительство школ и ВУЗов, медицинских учреждений и т.д., — подпитывала в стране идеи вестернизации.

Между тем, Первая мировая война и тяжелые экономические, политические и социальные условия в постсиньхайское время, элементы хаоса в политической сфере КР привели к тому, что некоторые передовые деятели страны, такие, как Чэнь Дусю, Ли Дачжао и др. начинали сомневаться в целесообразности для Китая буржуазной демократической республики как не вполне отвечающей условиям Китая, и призывали к обсуждению вопроса о том, существует ли у Китая иной выход².

Сведения об Октябрьской революции в России к началу «Движения 4 мая» 1919 г. если еще и не стали достоянием общественности Китая, однако в средствах массовой информации уже существовали каналы для публикаций сообщений о событиях в России, о первых шагах советского государства в области внутренней и внешней политики. Информация о революции в России, включая документы Советского правительства о принципах внешней политики по отношению к Китаю, в течение полутора-двух лет после свершения революции доходила до Китая медленно, преодолевая препятствия, чинимые западными державами, опасавшимися распространения марксизма и большевистских идей на Китай и другие страны³. В годы гражданской войны в России (1920–1922 гг.) Китай, совершенно отрезанный чехословацким выступлением, а затем армией Колчака от всякого общения с Советской Россией, лишь после взятия большевиками Владивостока получил возможность вплотную следить за борьбой Красной Армии с интервентами и белогвардейцами.

Неудовлетворенность в обществе развитием событий в стране после Синьхайской революции определяла внутренние факторы зарождения «Движения 4 мая». Междоусобицы среди милитаристских группировок, связанных с теми или иными великими державами, несли в себе угрозу для сохранения национального суверенитета, отражались негатив-

ным образом на благосостоянии населения. Однако непосредственным импульсом для вспышки «Движения» стали решения Версальской мирной конференции (1919 г.), от которой китайская общественность ожидала, но не получила поддержки требований по восстановлению национального суверенитета Китая. Несмотря на то что выдвинутые китайской делегацией на Парижской мирной конференции требования к державам — победительницам в Первой мировой войне отражали чаяния значительной части населения, они не получили у них поддержки. Широкие круги китайской общественности надеялись прежде всего на возвращение Китаю всех прав и владений, ранее захваченных Германией в провинции Шаньдун, а затем — Японией во время Первой мировой войны. Отклонение конференцией выдвинутых требований, передача германских владений в Шаньдуне Японии, нерешительная позиция в этом вопросе Пекинского правительства вызвали в Китае взрыв возмущения патриотов⁴. Выдвинутые студентами-демонстрантами лозунги: «Защитим государственный суверенитет!», «Не подписывать мирный договор!», «Аннулировать 21 требование!», «Бойкот японских товаров!», «Бороться за права страны, наказать изменников!» были активно поддержаны различными слоями населения.

События развивались следующим образом. 4 мая 1919 г. более 3000 студентов Пекинского университета и 13 других высших и средних учебных заведений устроили на площади Тяньаньмэнь митинг и демонстрацию протеста. Демонстранты потребовали наказания национальных предателей — Цао Жулия, Лу Цзунъюя и Чжан Цзунсяна, подписавших с Японией ряд документов, противоречащих национальным интересам Китая. Пекинское правительство ввело в действие полицейские части. В схватке с полицией погиб один студент, 32 участника демонстрации были арестованы.

Вслед за этими событиями, 5 мая демонстранты объявили забастовку. Выступление студентов поддержали ректоры университетов Пекина и, прежде всего, Цай Юаньпэй — ректор Пекинского университета. В «Движение» включились преподаватели пекинских вузов, торговая палата Пекина, некоторые депутаты парламента и ряд общественных организаций. Таким образом, «Движение» сразу получило высокий статус. В поддержку также выступили студенты высших и средних учебных заведений многих городов страны, а также общественность провинций Чжэцзян, Шаньси, Хунань, Фуцзянь, Гуанси и Гуандун.

Не остался безучастным к событиям патриотического антиимпериалистического движения и парламент в Гуанчжоу, который 9 мая 1919 г. разослал во все провинции циркулярную телеграмму с резким осуждением действий прояпонских элементов в Пекинском правительстве и с одобрением выступления пекинских студентов⁵.

Как свидетельствует пресса того времени, все эти лозунги выдвигались и поддерживались, особенно на втором этапе «Движения 4 мая», «Китайским профсоюзом», «Промышленной ассоциацией Китая», «Союзом металлистов», рабочими китайско-японских предприятий, текстильщиками, железнодорожниками, моряками парохозяйства, рабочими и служащими типографий и т.д.⁶ Впервые был выражен массовый протест против правительства бэйяньских милитаристов и выдвинуто принципиальное требование — не подписывать мирный договор. Солидарность проявили учащиеся всего Китая, но 3 июня 1919 г. демонстрации были подавлены правительственными войсками.

Грандиозный размах получило забастовочное движение. Причем среди забастовщиков созрела идея организации небольших профессиональных организаций, которым в перспективе надлежало объединиться и выступить против японцев. Нередко в процессе забастовок возникали мелкие стычки рабочих с предпринимателями⁷. Забастовочное движение охватило и рабочие коллективы на английских верфях⁸, в англо-американской компании в Пудуне, в американской электроламповой компании «Шэньчан»⁹ и др. 9 июня началась забастовка шанхайских моряков. На якорь встали все китайские и иностранные торговые пароходы¹⁰.

«Движение 4 мая», помимо вышеизложенной специфики (влияние «Движения за новую культуру»), масштабный характер, организация забастовочного движения, выраже-

ние протеста и на предприятия западных держав), имело и другие особенности. Небывалую активность проявили студенты и учащиеся, на втором — шанхайском — этапе (с июня 1919 г.) в знак солидарности с их действиями рабочие Шанхая устроили ряд забастовок, а предприниматели (средняя и мелкая буржуазия) бойкотировали торговлю. Участие населения в демонстрациях и забастовках приняло невиданный размах — к движению примкнули рабочие более ста городов Китая, в том числе Ханькоу, Чанша, Уху, Цзинань. Народное давление было столь велико, что правительство бэйянских милитаристов было вынуждено отправить в отставку прояпонски настроенных чиновников: Цао Жулиня, Лу Цзунъюя, Чжан Цзунсяна. Китайская делегация в знак протеста не присутствовала на церемонии подписания документов Парижской мирной конференции¹¹.

«Движение 4 мая» 1919 г. стало решительным поворотом к формированию в обществе антиимпериалистического настроя. Подчеркивая внутрикитайские причины этого движения как базовые, нельзя не отметить следующее. Рассматривая «Движение» под углом зрения широкого распространения в начале века революционных идей во всем мире, отмечая глобальный характер национально-освободительного и коммунистического движений, можно сделать вывод, что «Движение 4 мая» 1919 г. проявило себя как составная часть мирового революционного процесса. Патриотические идеи падали на благодатную почву, в значительной степени подготовленную «Движением за новую культуру».

При оценках «Движения 4 мая» в китайской историографии правомерно уделяется значительное внимание наличию новых исторических условий, в которых оно развивалось, — атмосфере призывов к мировой революции, активной пропагандистской деятельности В.И. Ленина. Широкий и массовый характер «Движения» отражал веяния эпохи¹².

Следует отметить, что «Движение 4 мая» возникло в условиях продолжавшегося роста новых общественных сил Китая. Хотя в тот период еще не было Коммунистической партии Китая, однако существовал довольно широкий круг интеллигенции, одобрявшей революцию в России и уже знакомой, в разной степени, с некоторыми работами по научному социализму. Распространяя идеи марксизма, передовые молодые интеллигенты проводили просветительскую работу и подготовили ситуацию, в которой представители различных социальных слоев, среди которых было немало участников «Движения за новую культуру», поставили вопрос о том, насколько соответствовала условиям Китая Октябрьская революция в России. Эти так называемые дискуссии о социализме, как правило, велись в среде представителей либеральной интеллигенции, которая вплоть до 1925 г. не формулировала четкой позиции по этому вопросу. Эту сторону событий убедительно и подробно рассматривает в своих исследованиях А.В. Ломанов¹³.

Как указывал Мао Цзэдун в статье «О новой демократии», «Движение 4 мая» характеризовалось стремительным присоединением к нему с июня 1919 г. ранее активно не участвовавших в общественно-политической жизни страны социальных слоев и групп. К 3 июня революционное движение охватило всю страну¹⁴. В китайской историографии отмечается такой интересный факт, что в ходе «Движения 4 мая» учащиеся Пекина и Шанхая направляли своих представителей для установления связей с Гоминьданом, но руководители Гоминьдана отказались от участия в «Движении», объяснив свою позицию отсутствием у них необходимых сил¹⁵.

Рост национального самосознания, обусловленный главным образом внутренними социальными причинами, отражал в то же время международную обстановку и носил геополитический характер. События в Китае были частью общего мирового процесса развития национально-освободительных движений во многих странах мира¹⁶.

Как показало «Движение 4 мая», разочарование китайской общественности в президенте США Вильсоне и недовольство позицией союзников усилились по сравнению с дооктябрьским периодом. На фоне по сути предательства китайских интересов государствами Антанты Советская Россия уже в июле 1918 г. в лице наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина представила новый внешнеполитический курс, основанный на принципах уважения национального суверенитета КР, равенства и добрососедства.

Большое впечатление на общественность КР произвели уже первые шаги Советской России в ее внутренней и особенно внешней политике. основополагающие принципы новой внешней политики Советской России — равенство, мир, добрососедство, помощь — содержались в Декрете о мире (8 ноября 1917 г.), Декларации прав народов России (15 ноября 1917 г.), в Обращении Совета народных комиссаров ко всем трудящимся мусульманам России и Востока (3 декабря 1917 г.). В Обращении содержались практически все основные подходы и принципы, на которых молодое Советское государство было намерено выстраивать систему международных отношений¹⁷. Политика равноправия, мира, дружбы, а также идеалы социальной справедливости, провозглашаемые Советским государством и документально зафиксированные в новых документах по внешней политике и по российско-китайским отношениям в частности, получили глубокий отклик в широких слоях китайского общества. Советская сторона нашла нужные слова, понятные широкому слою китайского населения, в Обращении РСФСР от 25 июля 1919 г. к китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая, в котором изложила свою позицию по отношению к Китаю: «Мы несем освобождение народам от ига иностранного штыка, от ига иностранного золота, которые душат поработанные народы Востока, и в числе их в первую очередь китайский народ...». Наряду с конкретно названными мероприятиями, такими, как отказ от завоеваний царского правительства, уничтожение всех особых привилегий, всех факторий русских купцов на китайской земле, четко формулировались и другие показатели национального суверенитета: «В Китае не должно быть иной власти, иного суда, как власть и суд китайского народа». И далее: «Если китайский народ хочет стать, подобно русскому народу, свободным и избежать той участи, которую ему приготовили союзники в Версале... пусть он поймет, что его единственный союзник и брат в борьбе за свободу есть русский рабочий и крестьянин и его Красная Армия»¹⁸.

Эти планы сопровождались выражением готовности Советской России договориться по этим вопросам с китайским народом в лице его уполномоченных¹⁹. Пекинское правительство не только не ответило Москве, но предприняло попытки в ряде журнальных статей представить этот шаг Советского правительства как «обман и ловушку»²⁰. Стремление китайского правительства скрыть от населения содержание новых принципов внешней политики Советской России не остановило советское правительство в его усилиях донести до китайской общественности судьбоносное содержание данного документа. В марте 1920 г. текст документа был передан китайским дипломатам и одновременно напечатан в газетах Иркутска, Верхнеудинска и Владивостока. Причем из Владивостока текст Обращения был передан по радио и принят в Шанхае редакцией прогрессивной русской газеты «Шанхайская жизнь», которая 25 марта 1920 г. опубликовала его в газете, а также издала специальным приложением тиражом 1 млн экземпляров²¹. После этого Обращение было перепечатано многими китайскими газетами и журналами. Усилиями советской стороны оно все-таки стало достоянием китайской общественности и реальным фактором влияния РСФСР на Китай.

Инициативы России в области внешней политики не оставили китайский народ равнодушным к формирующейся в Советской России новой внешней политике, не похожей на внешнеполитические действия в отношении Китая империалистических держав. В крупных городах КР начались выступления за нормализацию советско-китайских отношений²². Перемена в сторону положительной оценки внешней политики советской стороны имела место и в правительстве КР, хотя и с существенными оговорками, среди которых можно отметить выдвигавшиеся китайскими дипломатами в неофициальных переговорах с советскими представителями условия, заключающиеся в готовности китайской стороны начать переговоры с РСФСР лишь после того, как другие страны признают Советское правительство²³.

Процесс урегулирования советско-китайских отношений, несмотря на трудности, создаваемые руководством КР, а также великими державами, продолжал развиваться

ся. К концу 1922 г. наблюдалось укрепление международного престижа Советской России, заключившей торговые договора и соглашения со многими странами. Это факт ускорил переход китайского правительства к активизации процесса нормализации советско-китайских отношений.

Вопрос о том, насколько соответствовала условиям Китая революция в России, стал одним из основных, которые ставила перед собою китайская революционная и либеральная интеллигенция и представители других социальных слоев.

Заключение 31 мая 1924 г. советско-китайского соглашения об установлении официальных дипломатических отношений между двумя государствами было успехом советской дипломатии и демократических сил Китая. Параллельно с повышением авторитета Советской России в сфере внешней политики в Китае усиливался интерес и к идеологии, которой руководствовалась правящая партия России в подготовке и проведении Октябрьской революции.

Таким образом, подготовка и реализация в Китае новых подходов Советской России к внешней политике разрушили прежние представления политических и общественных сил Китая о России как одной из стран — проводников системы «неравноправных договоров» с КР, способствовали углублению межгосударственных доверительных отношений. В результате этого значительно повысился интерес к изучению научного социализма и большевизма среде учащейся и студенческой молодежи и интеллектуалов.

Параллельное развитие действий, связанных с урегулированием советско-китайских отношений и событиями «Движения 4 мая» 1919 г., усилило восприятие в китайском обществе европейских идей социализма и опыта Октябрьской революции в России, распространение которых в широких масштабах относится уже к 1920-м годам, и создало предпосылки для последующего преодоления замкнутого круга воспроизводства милитаристских режимов.

Отметим при этом высокие оценки Мао Цзэдуна, данные в статье «О новой демократии» «Движению 4 мая» 1919 г., истоки которого он тесно связывает с «Движением за новую культуру». Он проводит связь между «Движением за новую культуру», «Движением 4 мая» 1919 г. и последующими движениями, включая «Движение 30 мая» 1925 г., характеризовавшееся подъемом национального, демократического и коммунистического движений.

Неудивительно, что «Движение 4 мая» 1919 г., выдвинувшее целый ряд злободневных требований и осуществлявшееся в условиях необычайного революционного подъема, воспринималось многими современниками как преддверие новой демократической революции. Следует отметить, что обсуждение в современной китайской историографии подобного подхода к «Движению 4 мая» 1919 г. выглядит как его дополнительная характеристика, базирующаяся на новом уровне исследований «Движения за новую культуру», внутренней ситуации в Китае того времени, изучения влияния Октябрьской революции на Китай.

И последнее, к чему хотелось бы привлечь внимание, — это связь событий «Движения 4 мая» 1919 г. с активизацией либеральной интеллигенции, с ростом ее интереса к марксизму и дискуссиями о выборе модели развития для Китая. Рассматривая «Движение 30 мая» 1925 г. как трансформацию «Движения за новую культуру» и «Движения 4 мая» 1919 г., а также учитывая влияние Коминтерна и советских коммунистов, Мао Цзэдун характеризовал революционные события 1925 г. как подъем национального, демократического и коммунистического движений. Между тем представители либерально-вестернизаторского движения определяли его главным образом с позиции распространения в обществе радикальных настроений.

Дискуссия о России, состоявшаяся в конце 1925 г. на страницах «Чэньбао фукань», фактически объединила китайских либералов на почве отрицательного отношения к истории России, Октябрьской революции и деятельности Советов. Соответственно подверглось критике и идейно-культурное влияние Советской России на все указанные

выше общественно-политические движения, в том числе «Движение 4 мая» 1919 г. и «Движение 30 мая» 1925 г.²⁴ Хотя к 1925 г. популярность социалистических идей и авторитет советского государства в революционном лагере продолжала расти, однако в стране в целом преобладали идеи вестернизации.

Фактически идеологическая борьба между левым и правым крылом китайской политической мысли, определившаяся в ходе «Движения 4 мая» и активно развивавшаяся после него, являлась борьбой между сторонниками двух возможных перспектив развития Китая — социалистической и капиталистической. Интеллигенция марксистского толка, принимавшая участие в этой борьбе, опираясь на опыт событий в России, призвала встать на путь развития социализма в Китае.

Пройдет немало лет, прежде чем вошедшие глубоко в национальное самосознание элементы «раскрепощения личности» и отдельные проявления демократии (наличие демократических партий и движений и др.) получат новое развитие, а теория и практика марксизма-ленинизма — новую интерпретацию (в форме новодемократической революции), больше соответствующей китайской национальной специфике.

1. Подробно см.: *Мамаева Н.Л.* Россия и начальный период «Движения за новую культуру» в Китае // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 5.
2. Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао. Сюй цзюань: [Очерк по истории Китайской Народной Республики. Предисловие]. Пекин, 2012. С. 86–87; Чжунго гунчаньдан лиши: [История Коммунистической партии Китая]. Т. 1: 1921–1949. Кн. 1. Пекин, 2011. С. 33.
3. *Ивин А.* За СССР. За революционный Китай. М.; Л., 1929. С. 22.
4. История Китая с древнейших времен до начала века: в 10 т. / отв. ред. С.Л. Тихвинский. Т. VII: Китайская Республика (1912–1949) / отв. ред. Н.Л. Мамаева. М., 2013. С. 87.
5. Там же. С. 88.
6. Движение 4 мая 1919 года в Китае. Документы и материалы. М., 1969. С. 275–279, 285–289.
7. Там же. С. 237.
8. Там же. С. 238.
9. Там же.
10. Там же. С. 242–242.
11. Там же. С. 87–88.
12. Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао... С. 89.
13. *Ломанов А.В.* Роль Сюй Чжимо в китайской дискуссии о Советской России // Китай в мировой и региональной политике. История и современность / отв. ред. Е.И. Сафронова. С. 343.
14. *Мао Цзэдун.* Избранные произведения / пер с кит. Т. 3. М., 1953. С. 215–220.
15. Чжунхуа жэньминь гунхэго шигао... С. 91.
16. История Китая с древнейших времен... Т. VII. С. 90.
17. Новейшая история Китая. 1917–1927. М., 1983. С. 48–49.
18. Документы внешней политики СССР: в 10 т. Т. 2. М., 1957. С. 223.
19. История Китая с древнейших времен... Т. VII. С. 108, 111.
20. *Ивин А.* Указ. соч. С. 24.
21. Красное знамя. Владивосток. 21.5.1920.
22. *Мировицкая Р.А.* Движение в Китае за признание Советской России (1920–1924). М., 1962. С. 14–24.
23. Новейшая история Китая... С. 70.
24. *Ломанов А.В.* Указ соч. С. 347–348.